

2207 Семен Гейченко, Арсений Ларионов

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ

Благодарение

— Семен Степанович, как это у Пушкина: «В начале жизни школу помню я...» Помните ли вы свою школу, своих учителей?

— Конечно, помню. И нашу гимназию в Петергофе. В прошлом году мы отмечали столетие ее. Ныне в том здании школь восьмилетка. Съехались все старые гимназисты. Кто стал Героем Социалистического Труда, кто знаменитым художником, кто педагогом. Одним словом, собралось много людей, с которыми я не встречался с тех детско-юношеских лет. А в гимназии нашей были удивительные воспитатели и наставники. Они открыли нам мир искусства. Это Николай Яковлевич Шубин, Михаил Михайлович Измайлов. Они водили нас в музеи, петергофские сады, парки. Делали всяческие душевные прививки с тем, чтобы мы с детских лет ближе познали мир, его безграничность.

Эти учителя мне особенно дороги. Они были со мной, когда я учился в университете, когда в жизни еще многое было непонятно. Я обращался к ним за советом... И надо же было судьбе так распорядиться: когда я окончил университет и приехал работать в Петергоф, туда же был принят мой бывший школьный учитель Измайлов. И дальше мы пошли одной дорогой к познанию истины.

Я очень многое получил в университете, где тогда преподавали историки Кареев и Платонов, языковед Перец, искусствоведы Головань, Лапшин. Это были удивительные профессора, которые знали на память и «Евгения Онегина», и «Пиковую даму», и никогда нервно не шелестели конспектами, книгами. Они все брали из подвалов памяти и тем самым нас, тогдашних молодых неучей, удивляли своими знаниями.

Продолжение. Начало см. в номерах за 3 и 6 июня с. г.

Иллюстраторы они были поразительные. Они могли, рассказывая о графике, легко и изящно набросать рисунок на доске. Если они говорили о музыке, то подходили к пианино и играли, когда надо было довести до нас суть звука, гармонии, мелодии и всего того, что составляет понятие Музыка. Они видели, ценили, воссоздавали красоту, и этим заражали нас.

— Вы учились в первые годы после Октября... Что-то было в вашей студенческой жизни отличительным, особым, если сравнить, скажем, с днями нынешними?

— Это были годы воспитательной отваги. Университет не отапливался, все устали от гражданской войны, голода, а как верили в новую жизнь. Я никогда не забуду: известный профессор Николай Севастьянович Державин читает лекцию, а у него иней сыплется изо рта — в зале двадцать градусов мороза! А какое вдохновение у преподавателя и у всех ребят! Как все жаждало знаний, какое было высокое чувство благодарения, какая была дружба, какое товарищество!..

Ведь задача состояла в том, чтобы студенты, силошь выходяцы из народа, из неграмотной среды, постигли не только свою узкую специальность, но сначала хотя бы обзорно усвоили естественные науки — физику, биологию... И когда к нам приходил виднейший ученый-физик, весь зал вставал, его встречали каждый раз аплодисментами. Было такое состояние, будто сейчас начнется торжественный концерт, а не просто учебное занятие. Он открыто говорил нам, будущим литературоведам и искусствоведам: «Ох, какая трудная задача передо мной стоит. Я знаю, кто вы такие, вы никогда не поймете до самых глубин суть моего предмета. Но я хочу одного: пробудить в вас интерес к естественным наукам и в меру моих сил укрепить веру в материальность мира».

Теперь я понимаю, насколько правильным был такой подход. Нас действительно надо было ввести в мир знаний. И по-

этому ко всем предметам, в том числе и по нашей специальности, читались курсы «Введение в изучение живописи», «Введение в изучение графики», «Введение в изучение литературы» и так далее...

Великолепно читал свое «введение» Александр Александрович Починков. Он так вдохновенно обо всем рассказывал, что я очень быстро понял, что такое мозаика, что такое фреска, одним словом, все жанры изобразительного искусства. Он был настойчив в своем деле, говорил: «Ребята, давайте съездим в Новгород!» — «Александр Александрович, ведь денег-то нет». — «Поедемте в порт, поработаем, дрова разгрузим». Заработали денег, поехали в Новгород, поехали в Москву, в Кремль... Эти «введения» я всегда вспоминаю с глубокой благодарностью...

Потом в мой мир, в жизнь мою пришел академик Федор Иванович Шмидт — удивительный художник, писатель. Им созданы редкие книги «Почему и зачем дети рисуют» и «Музейное дело». До него такой исследовательской книги не было в России. Он сумел философски обдумать основные проблемы, с которыми столкнулся я, когда начал самостоятельную работу в качестве научного сотрудника. Он был одним из основоположников музейной науки.

— Да и само-то музейное дело было еще тогда новым, только начинающимся...

— Естественно, вместе с Октябрьской революцией все частные коллекции, которые собирали по двести—триста лет помещики, богачи, стали общенародными. И наряду с Эрмитажем, который уже был открыт, и со многими дворцами, которые уже тоже стали общедоступны, открылись художественные коллекции Шуваловых, Шереметьевых, Юсуповых... Собрания, которые являются гордостью нашей нации. Поэтому музейное дело как наука стало развиваться активнее, чем в дореволюционные годы. К тому же сама структура культурных учреждений, заложенных по инициативе Владимира Ильича Ленина, предпо-

лагала создание музейной науки. Ведь Ленин утверждал, что музей — это не только хранилище, не только мемориал, не только средство политического и культурного воспитания народа, но и научно-исследовательское учреждение.

— Сегодня мы говорим уже о зрелости нашего музейного дела...

— И это справедливо. Но вы задумывались, почему люди хранят художественные произведения? Почему они хранят мелодии, вещественные следы великих деятелей культуры, памятники истории, почему? Да потому, что они подсознательно чувствуют, что придет время, и эти вещи сумеют более активно рассказывать о былой жизни, ибо те незримые следы, которые остались на этих предметах, сегодня еще по-настоящему не раскрыты.

Вещи имеют свой язык, который нам еще неизвестен. Какой бы талантливый искусствовед-музеевед ни был, он не может еще сегодня заставить историческую вещь, предмет из другого времени, эпохи рассказать о себе наиболее полно. А придет время, уверен в этом, она многое расскажет. И с этой целью подсознательно мы настойчиво бережем вещи, храним их. Когда вы входите в кабинет Пушкина на Мойке и смотрите вещи, на которые Пушкин смотрел многократно, сколько же там отпечатков его душевного состояния, эмоционального настроения... Верно? А, возможно, наступит время, расширятся наши научно-технические возможности, и мы сумеем чуть расшифровать язык предметов. В науке такое уже случилось... Вот почему наша задача беречь, беречь и беречь, чтобы вещи преждевременно не истерлись, не износились, не исчезли.

Единомышленники

— Наверное, в вашей жизни были и такие люди, которых вы могли бы назвать своими единомышленниками, кто помогал

в деле, в чем-то открывал самые тайные стороны его...

— Это были люди разные. Скажем, я тридцать лет встречаюсь с Дмитрием Николаевичем Журавлевым, народным артистом СССР, известным мастером живого художественного слова. Он обладает даром проникновенного понимания пушкинской строки, мысли. А поскольку одна из разновидностей моей работы здесь — беседа с незнакомым путником, экскурсантом, туристом, человеком, который жаждет встречи с Пушкиным, — то такой мастер, как Журавлев, меня, конечно, многому научил. Мы проводим праздники поэзии, и сюда приезжают поэты, художники, деятели культуры разного толка. Так было и в этот раз 6 июня. И гости были высокие.

Когда я широко показываю пушкинские заповедники, без цитирования Пушкина, без выразительной подачи живого пушкинского слова не обойтись, иначе выступление будет в известной мере блеклым. Люди, попадая к нам на большой праздник, требовательны, им неважно, кто ты, директор или экскурсовод, лектор или просто научный сотрудник, но, объясняя, разговаривая, ты должен все исполнить торжественно и величаво. Без учебы и терпения такую премудрость не постигнешь.

Еще одна сторона моей жизни. Я очень люблю музыку. Она открывает для меня часто то, чего я никак не могу открыть другими средствами, сколько бы ни читал, сколько бы ни созерцал произведения изобразительного искусства. Я все равно иногда чего-то не понимаю. Тогда приходит музыкальное решение, обобщение. Никогда не забуду встреч с английским композитором Бенджаминном Бриттеном. Он работал у нас над циклом лирических произведений на стихи Пушкина. Мы вели с ним очень интересную беседу о таинственной сущности стихотворения Пушкина, сочиненного ночью во

время бессонницы. Он сел за рояль и стал мне объяснять словами, а звуками внедрять в меня объяснение. И я почувствовал то, что заставило меня потом, при встрече со Свиридовым, Слонимским и другими композиторами, найти дорогу к пониманию музыкальной сущности лирических стихов Пушкина. Без этих людей, без встречи с ними и разговоров наших, я может быть, этого и не понял бы.

В моей жизни очень многое значат встречи с писателями. Я был знаком близко с Николаем Алексеевичем Клоевым, у него встретился с Есениным. В моем доме бывал Ярослав Смеляков. Дудин стал почти родственником, потому что каждый год живет в Михайловском по месяцу-полтора. Я могу назвать многих писателей, которые, приезжая в Михайловское, приезжают прежде всего к Пушкину, но приезжают и ко мне. У нас очень интересные бывают разговоры о судьбах культур, современной поэзии, прозе, критике...

Будучи искусствоведом, я подружился с художниками. Екатерина Федоровна Белашова, создавшая замечательный памятник Пушкину, была добра ко мне... Я доедал и ночевал в ее мастерской... Дружу с Михаилом Аникушиным, Андреем Мыльниковым. Вот уже более тридцати лет дружу с Василием Звонцовым — тонким графиком, певцом пушкинского заповедника. Все эти люди — мои единовольцы по искусству, по духовному... Они меня научили многому, открыли свое таинственно-благодарное, подвинули меня к добру...

Были в моей жизни и совсем простые, но замечательные люди, такие, как Александра Федоровна Федорова и дед Проха — Прохор Петрович Петров... Их я встретил здесь, в заповеднике, и многие из народной жизни узнал от них... Какие это были искусные народные умельцы. Их уже нет среди нас, но свет дел их не угас... А сколько прекрасных мастеров своего дела — лесоводов, садоводов, музееведов — преподали мне за эти годы полез-

ные уроки. Никто отсюда не уезжает, не поделившись своими наблюдениями. Вот у таких людей я не устаю учиться и в свои восемьдесят лет...

Увлечения

— А были ли в пору вашей молодости кумиры в литературе, искусстве? Как вы относитесь к этому увлечению молодых?

— Наши бывшие кумиры — Блок, Маяковский, Есенин, Петров-Водкин, Шостакович — сегодня классики. Стало быть, мы не ошиблись в выборе. Да и подумайте сами — вы растете, зреете умом, душой. Вас переполняют всякого рода увлечения. И выставка художника Виктора Попкова вас интересует, и концерт дирижера Юрия Темирканова вам не хотелось бы пропустить, опять же интересно, как Елена Образцова исполнит романсы Мусоргского, а тут выступает с новой программой «Ариэль», вечером фильм-концерт Аллы Пугачевой по телевидению, через день премьера в «Сатире» — Андрей Миронов в главной роли. И пошло, и закрутилось... Я иногда просто дивлюсь, сколь широк интерес современных молодых людей. И как тут обойтись без кумиров, без душевного приращения к творчеству сверстника. Ведь не случайно именно молодежь первой опознает талант в своем поколении, и неистово любит своих знаменитостей. Отсюда ранняя популярность Василия Шукшина — писателя, мне очень близкого по своему мироощущению. Понятна и популярность Валентина Распутина, хотя проза из ряда труднусаиваемых духовных источников... Кумиры — чаще всего открыватели нового, а новое — всегда ближе молодым. В их творчестве я вижу здоровую жажду к познанию, самовыражению. Так было во времена нашей молодости, так будет в будущем. Кумир — тот же учитель, только из сверстников...

— Какое место в вашей жизни занима-

ет книга? Не только как источник информации, но и как учитель, источник всего сухого, способного обогатить, одушевить, скрасить бытие...

— При слове «книга» у меня сразу же возникает ассоциация — премудрость. Мудр человек от дела, добра, от слова, которое он творит. А все это собирает, обдумывает книга — хлеб наш духовный. С детских лет я чту книгу, как сказку, мечту. Книга и по сей день для меня самый дорогой подарок. В родительском доме книг не было. Была Библия, которую, вернувшись из бани, по вечерам в субботу, читал мой отец.

Книга ко мне пришла позже, в гимназии. А потом уже власть я зачитывался в университете. Студент и книга — неразрывны. Хотелось иметь свою библиотеку, начал ее собирать еще в пору университета.

Война и разные беды унесли все мои собрания. Осев в Михайловском, я снова взялся за собрание книг. Это уже четвертая в моей жизни личная библиотека. В ней порядочно толковых книг. Но основное — это Пушкин, о Пушкине, об искусстве. И то, что на сон грядущий усталому человеку хочется почитать. Книга — наш друг, наш товарищ, наше наслаждение, наша вера, надежда и любовь, и все грядущее в ней. Вот мое отношение к книге.

— Давно ведется, что сельский книголюб читает много, и вкус к книге у него устойчивый... Так же обстоит и сегодня?

— Так-так. Здесь читают активно, любознательно... У нас в Пушкинских Горах хорошая большая библиотека, о какой толково мог в свое время мечтать Пушкин.

— А какой библиотекой пользовался Пушкин в Михайловском?

— В его распоряжении здесь было четыре библиотеки. Он собрал свою, пусть и небольшую, в Михайловском, великолепная библиотека была в Тригорском, еще деда Осиповых-Вульф, в Петровском библиотеке арапа Петра Великого, а

в Святогорском монастыре древняя библиотека, которую еще легендарный Пимен, похороненный там же, где лежит Пушкин, начал собирать... Раньше в каждой русской церкви была библиотека минимум в двести томов. Это редкостные библиотеки. Когда после войны я осматривал остатки этих библиотек, то нашел в одной из них книгу из библиотеки легендарного Симона Ушакова. Вы только подумайте, какие бывали здесь книги! И это все было доступно, открыто Пушкину. Он стал ходить в Святогорский монастырь, рыться в архиве, рыться в библиотеке. И началась жизнь, которая привела его к «Борису Годунову»... Постепенно место ссылки стало местом упорительного творчества Пушкина... — А в вашей библиотеке какая книга лежит к вам ближе?..

— Книга для меня не предмет эстетического наслаждения. Поэтому ближе всех книги о Пушкине, заповеднике, исторические труды, которые являются для меня своеобразной энциклопедией. Личная библиотека всегда — своего рода энциклопедия хозяина. Особенно если он занимается научным книжным трудом. Так и у меня на главенствующем месте — там, где моя рука, там, где мое писало, Пушкин. Ну а там, где я засыпаю, где я, полусонный, протягиваю руку, когда у меня бессонница, ко мне приходят Джек Лондон, О'Генри и сегодняшние фантасты, развлекатели...

Приятно и радостно сознавать, что мир книги безграничен. И по глубине мудрости ничто не превосходит книгу, хотя соперников у нее появилось немало, не превосходит, конечно, книгу работающую, которая всегда в руках читателя, а не лежащую, спрятанную под толстой бездуховной броней современных «горок» и «стеночек»...

Хорошую книгу я ценю выше всех богатств, она для меня незаменимый учитель жизни.

Псковская область.

СОВЕТСКИЙ РОССИИ г. Москва 1 1 ИЮН 1982